УДК 38(Р571)«20»

Е.П. Мартынова

ТОРГОВЛЯ И ТОВАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ОБСКОМ СЕВЕРЕ В XIX ВЕКЕ [1]

Статья посвящена исследованию организации и способов торговли на Обском Севере с аборигенным населением в XIX веке. Автор обращает внимание на слабое развитие денежного обращения при торговых сделках с инородческим населением, торговым эквивалентом служили шкурки пушных животных (соболь, белка) и рыба-муксун. Основную роль в поставке товаров промышленного производства для населения играли ежегодно проводившиеся ярмарки. Круглогодично торговлю с аборигенами вели посредники из крестьян и купцов, через которых приобретались необходимые вещи, сбывалась продукция охотничьего и рыболовного промыслов. В работе обращено внимание на особенности организации торговли с инородческим населением – она велась скрытно, торговцы наделялись статусом «друзей/гостей». Автор считает, что благодаря практике взаимного обмена между группами людей создавались устойчивые каналы связи. В работе показано влияние своеобразной кредитной системы в торговле на закабаление коренного населения мелкими торговцами и крупными промышленниками. На основе статистических данных выявлен уровень товарности хозяйства остяков-хантов. Заключая статью, автор показывает зависимость хозяйства северных аборигенов от привозных товаров, повлекшую за собой существенные изменения в культуре и быту в XIX веке.

аборигены Севера, аренда угодий, мелкие торговцы, Обский Север, товарность хозяйства, товарные отношения, торговля.

Долгое время в отечественной историко-этнологической литературе было распространено мнение о том, что аборигены Северного Приобья – ханты (остяки), манси (вогулы), ненцы (самоеды) – занимались традиционной хозяйственной деятельностью (рыболовством, охотой, оленеводством) преимущественно для удовлетворения потребностей семьи, их хозяйство не было ориентировано на рынок. В силу этого работ, специально посвященных изучению торговли, обмена и рыночных отношений у коренных народов Севера почти нет, хотя отдельные сюжеты торгово-обменной тематики присутствуют в трудах многих североведов. Е.А. Пивнева справедливо указала на необходимость глубинного этнографического исследования рынка и экономических отношений у северных народов в рамках нового направления в отечественной науке – антропологии рынка [2]. Для глубинного понимания сущности и особенностей современных рыночных отношений у народов Севера полезным представляется обращение к истории развития у них торговли и товарных отношений. Автор данной статьи претендует на частичное заполнение пробелов в североведении по изучению торговых традиций на Обском Севере в XIX веке.

Основными источниками для написания работы послужили труды исследователей XIX века, написанные на основе полевых материалов, собранных среди коренного населения Северного Приобья. Очерк Н.А. Абрамова «Описание Березовского края» включает географическое описание Березовского округа, этнографические заметки об остяках и самоедах и историю промышленности г. Березова и окрестностей [3]. Автор работал с документами Березовской воеводской канцелярии конца XVIII века, записывал предания старожилов. Летом 1876 года сотрудник Российской Академии наук И.С. Поляков совершил плавание по Иртышу и Оби, основной целью которого было изучение природы и фауны, однако исследователь много внимания уделил этнографическому описанию. Экономико-этнографической характеристике нижнеобских остяков-хантов посвящена IV глава его работы «Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби» [4]. В очерке В.В. Бартенева, написанном по следам поездки в низовья Оби 1896 года содержатся весьма разнообразные сведения по

[1] Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации» (проект «Коренные народы и промышленное освоение Арктики: преодоление рисков и стратегии развития»).

[2] Пивнева Е.А. Рынок как фактор социокультурных изменений у обских угров (исторический аспект) // Вестник угроведения. 2016. № 4 (27). С. 93–100.

[3] Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Записки РГО. СПб., 1857. Кн. 12. С. 327–448.

[4] Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук. СПб., 1877. 187 с.

© Мартынова Е.П., 2017

хозяйственным занятиям, быту, верованиям обдорских остяков и самоедов [5]. В работах этих авторов обнаруживаются интересные сюжеты, связанные с описанием торговли с аборигенным населением Обского Севера. Из неопубликованных архивных источников автором привлекались делопроизводственные материалы из фондов Российского государственного исторического архива и Тобольского филиала государственного архива Тюменской области.

Начиная с XVII века, охотничий промысел народов Севера и Сибири в значительной степени определялся добычей пушнины на уплату ясака. Долгое время сбор дани с «ясачных иноземцев» был слабо регламентирован и, по сути, отпущен на произвол местных властей, что приводило к многочисленным злоупотреблениям [6]. Пушные звери, охота на которых раньше велась в минимальном размере, приобрели особое значение, стал развиваться их интенсивный промысел. Тем самым пушной промысел приобрел новую социальную роль, получив товарную направленность [7]. В 1727–1728 годах была отменена государственная монополия на торговлю соболями и разрешена уплата ясака деньгами. Это привело к тому, что «ясачные» люди стали продавать шкуры купцам, а затем выплачивать государственным сборщикам ясак деньгами [8]. Таким образом, правительство, само того не желая, активизировало торговую деятельность среди коренного населения.

До начала XIX столетия основным товаром, который обменивали и сбывали аборигенные народы Обского Севера, была пушнина. Соболиные шкурки повсеместно служили торговым эквивалентом. По мнению Н.А Абрамова, даже в середине XIX века ценность денег остякам и самоедам была малоизвестна. В роли денег в то время выступала белка и рыба муксун [9]. По свидетельству И.С. Полякова, «обыкновенной единицей ценности, приравниваемой к рублю, является в разных частях Оби мерный муксун, имеющий 9 вершков длины». Причем «мера муксуна в среднем течении Оби полагается от средины глаза до основания хвостового плавника, и в случае, если не хватает до 9 вершков линии или полулинии, муксун считается недомуксунком, каковых полагается два экземпляра за одного мерного муксуна». Автор привел данные о том, что стоимость муксуна варьировала в разных районах Оби от 5 копеек (20 муксунов на рубль) близ юрт Воксарковых в низовьях реки до 12 копеек ($8^{1/3}$ муксунов на рубль) между Березовым и устьем Иртыша. Самые дешевые муксуны продавались в Надыме – по 3–4 копейки (25 или 30 муксунов на рубль) [10].

В Северном Приобье существовало три основных способа торговли с инородческим населением: разъезды с товарами по селениям аборигенов; «торговля всеми товарами и жизненными продуктами на известных пунктах русской оседлости по рекам и заведение богатыми промышленниками рода факторий»; торг на ярмарках [11]. Основную роль в поставке товаров промышленного производства для населения Северо-Западной Сибири играли ярмарки в Ирбите и Обдорске. На Обдорскую ярмарку, проходившую ежегодно с 20-х чисел января до середины февраля, приезжали самоеды-ненцы, остяки-ханты, русские и коми-зыряне. Ненцы и ханты привозили пушнину, оленьи шкуры, мясо, рыбу, пух гагары, мамонтовую кость. Зыряне доставляли масло, рыбу-семгу, моржовые ремни, изделия из железа, медную посуду, одежду и обувь из оленьих шкур. Русские поставляли муку, табак, ткани (суконные и хлопчатобумажные), платки, бусы, посуду [12]. По данным Н.А. Абрамова, в 1850 году на Обдорскую ярмарку было привезено товаров на сумму 44 060 рублей [13]. Самой крупной в крае считалась Ирбитская ярмарка, почти вдвое превосходившая Березовскую по товарообороту (в 1850 году товаров было поставлено на 75 670 рублей) [14]. Ежегодный торг в Березове, разворачивающийся после окончания Обдорской ярмарки, значительно уступал по товарообороту – в 1850 году товаров было продано на сумму 25 470

[5] Бартенев В.В. На крайнем Северо-Западе Сибири (очерки Обдорского края). СПб., 1896. 148 с.

[6] Слёзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М. : Новое литературное обозрение, 2008. С. 80 ; Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века : моногр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. С. 170.

[7] Третьяков П.Н. Первобытная охота в Северной Азии // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1935. Вып. 106. С. 222.

[8] Слёзкин Ю. Арктические зеркала … С. 80.

[9] Абрамов Н.А. Описание Березовского края. С. 418.

[10] Поляков И.С. Письма и отчеты … С. 154–155.

[11] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 129. Оп. 71. Д. 150. Л. 4 об.

[12] Абрамов Н.А. Описание Березовского края. С. 415–416.

[13] Там же. С. 417.

[14] Там же. С. 420–421.

© Мартынова Е.П., 2017

рублей [15]. Еще меньше товаров привозилось на торжки в села Мужи, Ларьятское и Малоюганское (соответственно на сумму 2 710, 1 620 и 1 930 рублей) [16].

Авторы XIX века обратили внимание на то, что на ярмарках и торжках инородцы вели торговлю скрытно. М.А. Кастрен писал про Обдорскую ярмарку: «Толпы сынов и дщерей тундр… казались праздными посетителями рынка, потому что не приносили на него никакого товару. Но мне говорили, что под оттопырившимися шубами скрывались черные и бурые лисицы и кое-что еще. Товар этот показывался, однако ж, не каждому, продавец подбирался тайком к какому-нибудь приятелю и тот после надлежащего угощения показывал ему свои богатства» [17]. Н.А. Абрамов заметил, что остяки и самоеды «от нарт своих подошедши к торговым амбарам, входят в них только тогда, когда в них никого постороннего нет; являясь к знакомым купцам, заслоняют спиною дверь и, вынув из-под своей одежды мягкую рухлядь, торгуются с купцом так скрытно, что никто не знает кто из них, что и за какую цену продал» [18]. Тайно совершались сделки и на торге в Березове. «Инородец, пришедши к своему приятелю (так они называют тамошних купцов и торговцев, с которыми ведут торговлю и у которых “одалживаются”), вытаскивает из-под одежды звериные шкуры и, если сойдется в цене, отдает рухлядь и взамен получает хлеб, табак и другие нужные товары; если же торг не состоится, то идет к другому приятелю» [19]. Отчасти тайный характер сделок можно объяснить нежеланием аборигенов афишировать свою торговую деятельность.

Ярмарки, хотя и проводились ежегодно в одни и те же сроки, были местами временной торговли. Круглогодично аборигены Северного Приобья приобретали товары и сбывали продукты своих промыслов торговцам-посредникам из крестьян и мещан. Н.А. Абрамов писал о жителях Березова, что почти все они, кроме духовенства и чиновников, занимаются торговлей с инородцами. «Набрав у купцов в долг муки и разных товаров “на инородческую руку” они отправляются в юрты остяков зимою на оленях, а летом на лодках, выменивают там рыбу, пушного зверя, орехи, птичье перо, сдают их приезжающим в Березов торговцам, расплачиваются с заимодавцем» [20]. Данные Н.А. Абрамова подтверждаются словами земского заседателя Кондинского участка Березовского округа А. Титова: «Торговые люди в зимнее время шныряли везде и забивались во все отдаленные местности, презирая пространства, чтобы приобресть этот продукт (шкурки соболя. – *Е. М.)* из первых рук от отцов-охотников» [21]. Хантыйский князец Тайшин жаловался в Березов на засилье торговцев [22]. Н.А. Миненко пришла к выводу, что уже к концу XVIII века торговое посредничество стало главным занятием для большинства бывших казаков и русских крестьян Тобольской губернии [23]. По мнению Ю. Слёзкина, в большей или меньшей степени почти все старожилы Севера были торговцами [24].

Мелкая посредническая торговля с инородцами имела свои отличительные особенности. С.В. Бахрушин обратил внимание на то, что у каждого торговца были «знакомцы». «Купец являлся в качестве гостя, который ожидал и требовал угощения и внимания и для которого ничего не жалели» [25]. В.В. Бартенев заметил, что «инородец обыкновенно ведет дело с одним обдорянином, у которого он, обыкновенно, забирает товар (хлеб, чай, табак, сукно, топоры, котлы, ножи и проч.), а сам взамен приносит ему рыбу и шкуры. Берет инородец, когда ему нужно, а сам приносит иногда через полгода, когда наловит рыбу или добудет зверя» [26]. По мнению Ю. Слёзкина, «дружба» была обычным способом формализации отношений обмена на доколониальном Севере, и при отсутствии наличных денег русские быстро втянулись в эту систему [27].

---

[15] Там же. С. 418.

[16] Там же. С. 419.

[17] Кастрен М.А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, 1838–1844, 1845–1849 // Магазин землеведения и путешествий. М., 1860. Т. 6, ч. 2. С. 180.

[18] Абрамов Н.А. Описание Березовского края. С. 416.

[19] Абрамов Н.А. Описание Березовского края. С. 418.

[20] Там же. С. 364.

[21] Цит. по: Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. С. 113.

[22] Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТО). Ф. 329. Оп. 13. Д. 28. Л. 25.

[23] Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск : Наука, 1975. С. 68–78.

[24] Слёзкин Ю. Арктические зеркала … С. 122.

[25] Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. III, ч. 2. С. 68.

[26] Бартенев В.В. На крайнем Северо-Западе Сибири … С. 59.

[27] Слёзкин Ю. Арктические зеркала … С. 82.

© Мартынова Е.П., 2017

Почему все же аборигены Обского Севера наделяли заезжих торговцев статусом друга/гостя? Исследование М. Мосса показало, что в доиндустриальных обществах практика взаимного обмена объединяет представителей сообществ, которые участвуют в обмене, так как благодаря последнему между группами людей выстраиваются межличностные отношения. Обмен не только экономически выгоден, но и создает каналы связи, то есть является основой социальной солидарности [28]. По полевым наблюдениям автора, в системе межличностных взаимоотношений хантов и ненцев большую роль играет доверие. Доверять можно тому, кого знаешь – родственникам, соседям, в чьей порядочности и открытости ты уверен. Может быть, поэтому в прошлом остяки и самоеды предпочитали совершать торговые сделки с одними и теми же людьми, налаживая постоянные контакты, что закреплялось наделением партнера почетным статусом друга и гостя. Партнерские отношения поддерживались и потому, что, нередко получая товары у торговца, коренной житель отдавал ему меха или пушнину через некоторое время (отсрочка платежа). В какой-то степени в такой торговле-обмене между «друзьями» можно усмотреть остатки архаических отношений дарообмена с соблюдением реципрокности. К. Поланьи обратил внимание на то, что обмен дарами происходит между людьми, являющимися не просто знакомыми, а чаще всего друзьями или родственниками, в то время как при товарном обмене сделка заключается между малознакомыми или вообще незнакомыми людьми [29].

Процедура торговли, по описанию представителя земского отдела остяков Меньше-Кондинской волости 1880-х годов, выглядела следующим образом: «Ко времени ярмарок инородцы останавливаются, не доезжая нескольких (иногда десятков) верст до места, на кочевках, с которых по-одиночке и группами являются к своим знакомым торговцам (“дружкам”), которые их угощают любимыми кушаниями и водкой. За этими угощениями ведутся посторонние разговоры о различных предметах, ничего общего со специальными интересами обеих сторон не имеющих; хотя обыкновенно торговец жалуется, что европейские товары стали стоить дорого, а пушнина и рыбы дешевы, а “гость” – что зверь и рыба плохо добываются и т.д. Так повторяется в течение нескольких дней. Все эти действия происходят в домах и ничто на улицах не дает понятия о ярмарке. Наконец, наступает решительный день, – обыкновенно к вечеру, инородцы въезжают на двор к “дружку” уже с товаром, ворота закрываются наглухо, происходит последнее угощение и затем мена товаров» [30]. Обмен мог быть двухступенчатым: сначала аборигены сбывали пушнину, а потом покупали товары. Вот как это описывает Д. Садовников: «Является к продавцу остяк со шкурками, уговаривается о цене каждой и раскладывает десяток их на полу юрты; покупщик кладет на каждую шкурку условленную плату; остяк собирает деньги, а покупщик – шкурки. Когда продажа всех шкурок остяком кончена, начинается тем же способом покупка товаров продавца» [31].

Торговая сделка между «друзьями» и традиция встречи гостей предполагала угощение, непременным атрибутом которого был алкоголь. И.С. Поляков назвал водку «первостатейным элементом, с которым рыбопромышленник пробирается к северу по Обской губе» и «главной составной частью коммерческой тайны» [32]. По его описанию, обычная процедура торговли с остяками в низовьях Оби и на Надыме не обходилась без водки. «Дайте сначала остякам водки хорошей – даром, первую бутылку – за 1 рубль; две вторые, наполовину с водой, – по полтора рубля за каждую; следующие три бутылки чистой воды по два рубля, и остяки уйдут совершенно пьяные» [33]. Использование алкоголя в торговле было повсеместным, хотя и незаконным явлением. Проводившиеся государством антиалкогольные меры не давали результатов. Продажа спиртного аборигенам имела широкое распространение и приносила большие доходы. Тобольский губернатор после посещения Березовского округа в 1864 году написал: «Продажа инородцам в их улусах вина производится мелкими русскими торговцами – местными казаками, мещанами и

[28] Мосс М. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность : тр. по социал. антропологии. М. : Восточная литература, 1996. С. 134–285.

[29] Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2001. Т. 3, № 2. С. 62–73.

[30] РГИА. Ф. 1291. Оп. 1. Д. 150. Л. 5 об.

[31] Садовников Д. С реки Ваха Сургутского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1909. Вып. 19. С. 12.

[32] Поляков И.С. Письма и отчеты … С. 152.

[33] Там же.

© Мартынова Е.П., 2017

инородцами-промышленниками… и большей частью на мену имеющейся у инородцев рухляди и других продуктов» [34].

Вряд ли можно говорить об эквивалентности стоимости в торговых сделках с инородцами, поскольку коренное население слабо ориентировалось в ценах на завозимые к ним товары. Торговцы-посредники предпочитали выступать в роли кредиторов, то есть сначала остякам и самоедам сбывались привезенные товары «в долг», а потом торговец в течение года принимал у них продукцию промыслов по установленной им стоимости. Раз в году происходил «расчет»: торговец, с одной стороны, учитывал сумму «долга» (взятых у него товаров), а с другой – стоимость рыбы, шкурок, мяса и прочего, принятых от «знакомого». Очень многие остяки оказывались в долгу у торговцев-«друзей». Как заметил С.С. Шашков, каждая торговая сделка инородцев представляла собой выплату долга, новую ссуду или часть отношений найма [35]. В.В. Бартенев также писал о кабале, в которой самоеды и остяки оказывались в результате торговых операций [36].

Такая своеобразная кредитная система достигла своего апогея в XIX веке и играла ведущую роль в торговле с инородцами. С.К. Патканов, собиравший в 1880-е годы сведения о состоянии хозяйства государственных крестьян и инородцев Тобольского округа, отметил в своем исследовании: «Теоретически рассуждая, аборигены могли бы продать сами сырые продукты своих промыслов в городах и на вырученные деньги купить себе все необходимое. Но на деле, во-первых, инородец не всегда богат этими продуктами, а во-вторых, не имеет для этого перевозочных средств. У кого же есть собаки или лошади, дорога все равно не по карману из-за кормов, продовольствия и других затрат» [37]. В итоге аборигены оказывались в состоянии экономической зависимости от мелких торговцев, которая нередко носила характер настоящей кабалы. И.С. Поляков привел факт такой кабальной зависимости остяков, живущих по Большой и Малой Оби от Кондинска и Шеркалов до Березова, а также по рекам Казыму и Сосьве, которые попали в кабалу к Новицким, проживающим в селе Шеркальское. В обмен на обеспечение «знакомцев» продуктами, одеждой, орудиями труда, оружием и выплату ясака Новицкие приобрели исключительное право на всю продукцию от остяцких промыслов и аренду большей части рыболовных угодий в инородческих селениях, расположенных на протяжении более 300 км по Оби и притокам [38]. А.А. Силантьев справедливо оценил такую ситуацию: «Вся Сибирь покрылась сетью микроскопических, по сравнению с ее общим пространством, участков, в пределах каждого из которых властвует кулак-скупщик на полных правах монополиста, высасывающий все соки из несчастных рыболовов» [39].

Нужно отметить, что центральные и губернские власти предпринимали попытки оградить коренное население от несправедливой торговли и ограничить ввоз спиртного в инородческие селения. На протяжении XVIII–XIX веков неоднократно издавались указы, запрещавшие посещать селения аборигенов с целью торговли. Однако, как заметил Е.В. Карих, «слепое следование закону никогда не было сильной стороной русского торговца, а проследить за его исполнением в диких урманах Севера было почти невозможно» [40]. Коренное население Обского Севера в той или иной степени оказалось втянутым в стихию рынка.

Означало ли это, что аборигенное хозяйство имело товарную направленность? Ответить на этот вопрос позволяют статистические данные о рыболовстве по ряду волостей хантов Нижней Оби, собранные во время работы ясачной комиссии 1828–1831 годов, представленные в таблице 1.

---

[34] ТФ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5990. Л. 116.

[35] Шашков С.С. Сибирские инородцы в XIX столетии // Шашков С.С. Исторические этюды. СПб., 1872. С. 259–261.

[36] Бартенев В.В. На крайнем Северо-Западе Сибири … С. 57–58.

[37] Патканов С.К. 1891 г. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1891. Вып. XII. С. 301.

[38] Поляков И.С. Письма и отчеты … С. 75–76.

[39] Силантьев А.А. Обзор промысловых охот в России. СПб., 1898. С. 478–479.

[40] Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири … С. 114.

© Мартынова Е.П., 2017

Таблица 1

Добыча рыбы хантами по данным II ясачной комиссии 1828–1831 годов

Волости	Добыча рыбы (пудов)		Домашнее потребление рыбы (пудов)		Продажа рыбы (пудов)	
	в хороший год	в плохой год	в хороший год	в плохой год	в хороший год	в плохой год
Туртасская	1 500	960	–	–	–	–
Назымская	1 892	1 486	732	326	1 160	1 160
Тарханская	8 465	6 797	1 030	962	7 435	5 835
Нарымская	6 590	4 680	465	315	6 125	4 365
Темлячевская	9 980	4 680	2 000	515	7 980	4 165
Верх-Демьянская	4 750	4 050	–	–	–	–
Меньше–Кондинская	3 860	2 365	2 250	1 250	1 610	1 115
Селиярская	4 000	2 000	–	–	–	–
Салымская	8 000	7 000	–	–	–	–
Кодские городки	40 000	30 000	–	–	–	–

Таблица составлена по материалам РГИА: Ф. 1264. Оп. 1. Д. 275. Л. 212, 213–214, 215–216, 241–242.

Приведенные сведения убедительно показывают, что большая часть выловленной остяками рыбы шла на продажу. Так, в Нарымской волости продавалось около 93 % рыбной продукции, Тарханской – от 80 до 88 %, Темлячевской – от 80 до 89 %, Назымской – от 61 до 78 %, Меньше-Кондинской – от 42 до 47 %. Это свидетельствует о высоком уровне товарности этой отрасли хозяйства хантов уже в начале XIX века.

В летний период аборигены Северного Приобья вели сбор лесных ягод (смородина, голубика, брусника) и кедровых орехов. Поблизости от русских селений и торговых центров развивалось товарное собирательство. Особенно славилась «ягодным промыслом» река Конда. У кондинских хантов ягоды служили предметом обмена и торговли, они сбывались специальным скупщикам. По своему значению в системе жизнеобеспечения сбор брусники на Конде шел вслед за ловлей рыбы, оттеснив охотничий промысел на третье место. Сбор кедрового ореха имел товарное значение и вблизи крупных русских селений.

Начиная с XVII века, рыболовные угодья аборигенов стали сдаваться в аренду – кортом – крестьянам, ямщикам, купцам. Например, в 1686 году ясашные остяки из Белогорских юрт «заложили» остров на Оби «со всеми ловлями и сенокосами» самаровским ямским охотникам Змановскому, Оленеву и Тимофееву. В 1730 году остяки из юрт Базьяновских «продали самаровским ямщикам Башмаковым свои рыбные ловли и сенокос» [41]. В 1822 году тобольский мещанин Панов «кортомил» у остяков «песок на острову ниже села Троицкого в 3-х верстах за 25 рублей в лето», а другой песок «выше села Троицкого в 5-ти верстах» арендовал ирбитский крестьянин за 65 рублей [42]. Арендные отношения коренных жителей с русскими были распространены по всей Оби. Сделки заключались обычно на срок от одного до трех лет, плата за аренду зависела от продуктивности угодий. Кортом рыболовных угодий был выгоден, так как годовой доход с промышленного улова на богатых песках исчислялся сотнями и тысячами рублей, а арендная плата редко превышала 200 рублей в год [43].

В XIX веке на Оби развернулась масштабная деятельность купцов-предпринима-телей. Состоятельные владельцы ежегодно снаряжали суда, ходившие от Тобольска до Березова и Сургута. Ловля рыбы сочеталась с ее закупкой у инородцев. Во второй половине столетия рыбный промысел на Обском Севере вели 29 крупных промышленников [44]. Власти предпринимали попытки урегулировать арендные отношения, опасаясь, что инородцы лишатся промысловых угодий. В 1805 году было запрещено заключать арендные договора более чем на один год, причем в обязательном порядке требовалось согласие аборигенных старшин и «князцов» [45]. Однако распоряжения администрации выполнялись плохо. «Наблюдается почти общее явление, – писал А.А. Дунин-Горкавич, – что тот или иной промышленник арендует водный район в продолжение десятков лет, становясь как бы полным владельцем» [46].

[41] Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. СПб., 1896. С. 14, 22.

[42] ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 21. Д. 11.

[43] Юрасов А.С. Объяснительная записка к составленной Тобольской врачебной управой карте рыбных промыслов в Тобольской губернии по рр. Оби и Иртышу // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1896. Вып. 6. С. 8.

[44] ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 41. Д. 370. Л. 107–108.

[45] ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 5. Д. 206. Л. 17 об.

[46] Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Тобольск, 1904. Т. 1. С. 244.

© Мартынова Е.П., 2017

Можно говорить о том, что в XIX веке аборигенное население Северного Приобья попало в тиски торгово-обменных связей, вырваться из которых стало уже невозможно вследствие большой зависимости от привозных товаров и продовольствия. Особенно крепкими были торговые связи хантов, проживающих непосредственно по берегам Оби. По притокам (в глубинных таежных районах) зависимость аборигенного хозяйства от торговли ощущалась меньше. Однако и здесь инородческое население не жило изолированно, так как к ним приезжали мелкие торговцы, а сами они хотя бы раз в году выбирались на ярмарку. Н.А. Миненко справедливо отметила, что у обских угров «на степень товарности хозяйства разных групп прямо пропорционально влияла частота их контактов с русскими» [47]. Торговля способствовала быстрым и значительным изменениям в хозяйственно-бытовом укладе коренного населения региона. Исследователи констатировали весьма заметные перемены в одежде, жилище, питании и орудиях труда, многие традиционные предметы быта вышли из употребления, на смену им пришла покупная продукция, изменившая облик инородца [48].

Приведенные в статье материалы показывают, что тесные торгово-обменные контакты привели к становлению своеобразной торговой сети, которая связывала русские селения с инородческими юртами. Нужно обратить внимание на то обстоятельство, что в торговле с инородцами купечество как сословие не играло заметной роли. Основную массу торговцев составляло русское население края – крестьяне, мещане, казаки. Русские жители Обского Севера выступали в роли продавцов-посредников между купцами и инородцами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов, Н.А. Описание Березовского края [Текст] // Записки РГО. – СПб., 1857. – Кн. 12. – С. 327–448.
2. Бартенев, В.В. На крайнем Северо-Западе Сибири (очерки Обдорского края) [Текст]. – СПб., 1896. – 148 с.
3. Бахрушин, С.В. Ясак в Сибири в XVII в. [Текст] // Бахрушин С.В. Научные труды. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – Т. III, ч. 2. – С. 49–85.
4. Дамешек, Л.М. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века [Текст] : моногр. / Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – 303 с.
5. Дунин-Горкавич, А.А. Тобольский Север [Текст] : в 3 т. –Тобольск, 1904. – Т. 1. – 281 с.
6. Карих, Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. [Текст]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. – 232 с.
7. Кастрен, М.А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, 1838–1844, 1845–1849 [Текст] // Магазин землеведения и путешествий. – М., 1860. – Т. 6, ч. 2. – 495 с.
8. Лопарев, Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа [Текст]. – СПб., 1896. – 244 с.
9. Миненко, Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. [Текст]. – Новосибирск : Наука, 1975. – 308 с.
10. Мосс, М. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах [Текст] // Мосс М. Общества. Обмен. Личность : тр. по социал. антропологии. – М. : Восточная литература, 1996. – С. 134–285.
11. Патканов, С.К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии [Текст] // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. – СПб., 1891. – Вып. XII. – 382 с.
12. Пивнева, Е.А. Рынок как фактор социокультурных изменений у обских угров (исторический аспект) [Текст] // Вестник угроведения. – 2016. – № 4 (27). – С. 93–100.
13. Поланьи, К. Экономика как институционально оформленный процесс [Текст] // Экономическая социология. – 2001. – Т. 3, № 2. – С. 62–73.
14. Поляков, И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук [Текст]. – СПб., 1877. – 187 с.
15. Российский государственный архив (РГИА). – Ф. 129. – Оп. 71. – Д. 150 ; Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 275 ; Ф. 1291. – Оп. 1. – Д. 150.
16. Садовников, Д. С реки Ваха Сургутского уезда [Текст] // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Тобольск, 1909. – Вып. 19. – С. 1–27.
17. Силантьев, А.А. Обзор промысловых охот в России [Текст]. – СПб., 1898. – 619 с.
18. Слёзкин, Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера [Текст]. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – 512 с.
19. Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТО). – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 5990 ; Ф. 152. – Оп. 41. – Д. 370 ; Ф. 154. – Оп. 21. – Д. 11 ; Ф. 329. – Оп. 5. – Д. 206 ; Оп. 13. – Д. 28.

[47] Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь … С. 185.
[48] Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. С. 88–89, 128.

© Мартынова Е.П., 2017

20. Третьяков, П.Н. Первобытная охота в Северной Азии [Текст] // Известия Государственной академии истории материальной культуры. – 1935. – Вып. 106. – С. 220–262.
21. Шашков, С.С. Сибирские инородцы в XIX в. [Текст] // Исторические этюды. – СПб., 1872. – 376 с.
22. Юрасов, А.С. Объяснительная записка к составленной Тобольской врачебной управой карте рыбных промыслов в Тобольской губернии по рр. Оби и Иртышу [Текст] // Ежегодник Тобольского губернского музея. – 1896. – Вып. 6. – С. 1–15.

REFERENCES

1. Abramov, N.A. Opisanie Berezovskogo kraya [Text] // Zapiski RGO. – SPb., 1857. – Kn. 12. – S. 327–448.
2. Bartenev, V.V. Na krainem Severo-Zapade Sibiri (ocherki Obdorskogo kraya) [Text]. – SPb., 1896. – 148 s.
3. Bahryshin, S.V. Yasak v Sibiri v XVII v. [Text] // Bahryshin S.V. Naychnie trydi. – M. : Izd-vo Akad. nayk SSSR, 1955. – T. III, ch. 2. – S. 49–85.
4. Dameshek, L.M. Yasak v Sibiri v XVIII – nachale XX veka [Text] : monogr. / L.M. Dameshek, I.L. Dameshek. – Irkytsk : Izd-vo IGY, 2014. – 303 s.
5. Dynin-Gorkavich, A.A. Tobolskii Sever [Text] : v 3 t. – Tobolsk, 1904. – T. 1. – 281 s.
6. Karih, E.V. Mejetnicheskie otnosheniya v Zapadnoi Sibiri v processe ee hozyaistvennogo osvoeniya. XIX – nachalo XX v. [Text]. – Tomsk : Izd-vo Tom. yn-ta, 2004. – 232 s.
7. Kastren, M.A. Pyteshestvie po Laplandii, Severnoi Rossii i Sibiri, 1838–1844, 1845–1849 [Text] // Magazin zemlevedeniya i pyteshestvii. – M., 1860. – T. 6, ch. 2. – 495 s.
8. Loparev, H.M. Samarovo, selo Tobolskoi gybernii i okryga [Text]. – SPb., 1896. – 244 s.
9. Minenko, N.A. Severo-Zapadnaya Sibir v XVIII – pervoi polovine XIX v. [Text]. – Novosibirsk : Nayka, 1975. – 308 s.
10. Moss, M. Opit o dare. Forma i osnovanie obmena v arhaicheskih obshestvah [Text] // Moss M. Obshestva. Obmen. Lichnost : tr. po social. antropologii. – M. : Vostochnaya literatyra, 1996. – S. 134–285.
11. Patkanov, S.K. Ekonomicheskii bit gosydarstvennih krestyan i inorodcev Tobolskogo okryga Tobolskoi gybernii [Text] // Materiali dlya izycheniya ekonomicheskogo bita gosydarstvennih krestyan i inorodcev Zapadnoi Sibiri. – SPb., 1891. – Vip. XII. – 382 s.
12. Pivneva, E.A. Rinok kak faktor sociokyltyrnih izmenenii y obskih ygrov (istoricheskii aspekt) [Text] // Vestnik ygrovedeniya. – 2016. – N 4 (27). – S. 93–100.
13. Polani, K. Ekonomika kak institycionalno oformlennii process [Text] // Ekonomicheskaya sociologiya. – 2001. – T. 3, N 2. – S. 62–73.
14. Polyakov, I.S. Pisma i otcheti o pyteshestvii v doliny r. Obi, ispolnennom po porycheniu Imperatorskoi Akademii nayk [Text]. – SPb., 1877. – 187 s.
15. Rossiiskii gosydarstvennii arhiv (RGIA). – F. 129. – Op. 71. – D. 150 ; F. 1264. – Op. 1. – D. 275 ; F. 1291. – Op. 1. – D. 150.
16. Sadovnikov, D. S reki Vaha Syrgytskogo yezda [Text] // Ejegodnik Tobolskogo gybernskogo myzeya. – Tobolsk, 1909. – Vip. 19. – S. 1–27.
17. Silantev, A.A. Obzor promislovih ohot v Rossii [Text]. – SPb., 1898. – 619 s.
18. Slyozkin, U. Arkticheskie zerkala: Rossiya i malie narodi Severa [Text]. – M. : Novoe literatyrnoe obozrenie, 2008. – 512 s.
19. Tobolskii filial Gosydarstvennogo arhiva Tumenskoi oblasti (TF GATO). – F. 3. – Op. 4. – D. 5990 ; F. 152. – Op. 41. – D. 370 ; F. 154. – Op. 21. – D. 11 ; F. 329. – Op. 5. – D. 206 ; Op. 13. – D. 28.
20. Tretyakov, P.N. Pervobitnaya ohota v Severnoi Azii [Text] // Izvestiya Gosydarstvennoi akademii istorii materialnoi kyltyri. – 1935. – Vip. 106. – S. 220–262.
21. Shashkov, S.S. Sibirskie inorodci v XIX v. [Text] // Istoricheskie etudi. – SPb., 1872. – 376 s.
22. Urasov, A.S. Obyasnitelnaya zapiska k sostavlennoi Tobolskoi vrachebnoi ypravoi karte ribnih promislov v Tobolskoi gybernii po rr. Obi i Irtishy [Text] // Ejegodnik Tobolskogo gybernskogo myzeya. – 1896. – Vip. 6. – S. 1–15.

E.P. Martynova

TRADE AND TRADE RELATIONS IN WESTERN SIBERIA (THE OB RIVER) IN THE 19th CENTURY

The paper focuses on trade and commodity relations with the native population of Western Siberia (the basin of the Ob River) in the 19th century. The author underlines that since monetary relations were not developed, special importance was given to trade-weighted furs (sable and squirrel) and whitefish (muksun). Various industrial commodities and manufactured goods were supplied to the native population at annual markets. Throughout the year, peasants and merchants traded necessities in exchange for game and fish. The paper shows that trade relations between

© Мартынова Е.П., 2017

the native population and alien merchants were rather particular. Merchants were treated as friends or guests. Due to constant collaboration people got involved in stable relationships. The native population became financially subjugated to petty merchants and big manufacturers. The author concludes that in the 19th century due to increasing dependence of the native population on manufactured goods, their everyday life and culture underwent considerable changes.

indigenous peoples of Siberia, land leases, petty merchants, Western Siberia, the Ob River, trade relationships, trade.

© Мартынова Е.П., 2017